

БОРИС КРИГЕР

ГОРДЫНЯ

БОРИС КРИГЕР

ГОРДЫНЯ

© 2024 Boris Kriger

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced or transmitted in any form or by any means electronic or mechanical, including photocopy, recording, or any information storage and retrieval system, without permission in writing from both the copyright owner and the publisher.

Requests for permission to make copies of any part of this work should be e-mailed to krigerbruce@gmail.com

Published in Canada by Altaspera Publishing & Literary Agency Inc.

Гордыня

Книга рассматривает гордыню как сложное явление, в глубинах человеческой души, проявляющееся в жажде признания, стремлении к превосходству и самовозвеличиванию. Через призму религиозных и философских взглядов описывается, как тонкая грань между здоровым самоуважением и разрушительной гордыней может привести к духовному краху. Здесь гордыня становится ловушкой, из которой человек, ослеплённый собственной исключительностью, не в силах выбраться без внутреннего осознания.

Автор предлагает парадоксальный взгляд на гордыню как одновременно разрушительную и неизбежную черту человеческой натуры, укоренённую в инстинкте самосохранения и стремлении к бессмертию через признание и достижения. Примеры из христианской и восточной традиций подчеркивают, что освобождение от этого порока требует постоянной внутренней работы, смирения и отказа от иллюзорного контроля над жизнью.

В современном обществе, где культ успеха подогревает самолюбие, гордыня становится социально приемлемой, но разрушительной силой, ведущей к отчуждению и неизбежному внутреннему кризису. Книга показывает, что истинное преодоление гордыни заключается не в её полном искоренении (что, увы, невозможно), а в осознанном её контроле и переориентации на более глубокие и подлинные ценности, ведущие к внутреннему покою и гармонии.

ГОРДЫНЯ

Мы живём в мире, где способность любить себя, проистекающая из природного инстинкта самосохранения, наделена почти ореолом добродетели. Безусловно, она является тем внутренним маяком, что помогает личности сохранять свою уникальность, ограждать себя от постороннего давления. Но как часто за этим светом скрывается тень, как часто вполне допустимое и весьма благородное стремление к самоуважению перерастает в безудержное желание превосходства.

Когда самолюбие, что прежде наполняло сердце чувством достоинства, извращается до неукротимой жажды признания, гордыня незаметно проникает в душу. Это состояние — не просто увлечение самолюбованием, но восхождение на опасный пьедестал самовозвеличивания, где человек, сам того не замечая, теряет живую связь с другими и всё более замыкается в холодной башне своего эгоизма. Здесь гордыня становится болезненной, словно ржавчина, разъедающая душу и всё больше отдаляющая её от света, которого она, казалось бы, столь отчаянно жаждет. И именно здесь, на этой грани, начинается борьба за подлинное самоосознание, за возвращение к искреннему, а не показному смирению, которое способно вновь открыть сердце.

Самолюбие, в своей сущности, представляет собой естественное стремление к самосохранению и является

неотъемлемой частью внутреннего мира личности. Эта черта способствует формированию четких границ между индивидуумом и окружающей его действительностью, помогая осознанно управлять собственными желаниями и потребностями. Через умеренное самолюбие человек начинает лучше понимать себя, учится уважать свои стремления и избегает растворения в чужих ожиданиях и навязанных идеалах.

Когда же этот внутренний баланс нарушается, на его месте возникает гордыня — качество, совершенно иного свойства и более сложного характера. В отличие от самолюбия, являющегося внутренним оплотом самоуважения, гордыня вырастает из желания возвысить себя за счет внешних подтверждений и признания. Это чувство толкает человека не столько к самопознанию, сколько к постоянному соперничеству с окружающими, к потребности доказать свое превосходство. Здесь самолюбие оборачивается агрессивной формой самоутверждения, в которой личность ищет одобрения извне, стремясь навязать свою исключительность.

Однако гордыня не просто психологическое явление, а глубоко религиозное понятие, корнями уходящее в духовные учения и философские традиции. В религиозных трактовках она воспринимается как состояние души, противопоставляющее себя не только окружающему миру, но и высшим силам. Это явление, где личность, потеряв меру, поднимается на пьедестал самодостаточности, отказываясь признать что-либо выше себя. Такой человек, погруженный в иллюзию собственного величия, отвергает идею смирения,

отвергает гармонию и взаимосвязь с миром.

Умеренная и обоснованная гордость, в отличие от гордыни, может быть частью здорового отношения к себе и своим достижениям. В европейских культурах она часто носит нейтральный или даже положительный оттенок, связываясь с чувством собственного достоинства, стремлением к совершенствованию и признанию собственных усилий. Эта форма гордости основана на реальном осознании своих заслуг, она не противопоставляет личность обществу и не вызывает внутренней вражды к окружающему. Умеренная обоснованная гордость становится мотиватором, источником внутреннего света, который подталкивает к новым свершениям и самосовершенствованию.

Гордыня же, напротив, разъедает изнутри, искаивает восприятие мира, создавая пропасть между личностью и другими людьми. Там, где гордость ведет к уверенности в своих силах и признанию собственных успехов, гордыня замыкает человека в холодной башне эгоизма, лишая его способности видеть истинные ценности.

В христианской традиции гордыня рассматривается как один из самых разрушительных пороков, ведущий к постепенному духовному разложению личности. Это состояние начинается с мелкого тщеславия и стремления привлечь внимание к своим достижениям, но, подпитываясь чувством собственного превосходства, вырастает в непреодолимое желание доминировать над окружающими. Такая потребность в восхищении и признании, по сути, оказывается глубокой внутренней пустотой, требующей заполнения внешними подтверждениями собственной значимости.

Гордыня в христианском понимании — не просто слабость или проступок, это дорога, ведущая к духовной гибели. Она отдаляет человека от Бога, отрывая его от истинного смирения, которое лежит в основе подлинной веры. Ведь по мере того, как гордыня набирает силу, человек начинает считать себя самодостаточным и неподвластным высшему началу. В таком состоянии теряется способность к смирению и покаянию, что делает душу закрытой для божественной любви и благодати.

На первых порах это может казаться незначительным отклонением — лишь жажда восхищения и легкое возвышение себя над другими. Однако в сердце, зараженном гордыней, зарождается невидимая вражда ко всему, что ставит под сомнение его превосходство. Сначала это проявляется в раздражении по отношению к чужому успеху или счастью, затем перерастает в зависть и гнев. Постепенно, не находя удовлетворения ни в чьих взглядах, человек начинает озлобляться, понимая, что мир не готов соответствовать его завышенным ожиданиям. Это чувство отверженности и непонятости, будучи рожденным из ложного представления о собственной исключительности, неизбежно ведет к глубокому внутреннему кризису.

Отчаяние становится последним шагом на этом пути. Оказавшись один на один со своей гордыней, человек чувствует невыносимую пустоту, когда исчезает вся радость от достижений и признания. Всё, что некогда грело душу и питало тщеславие, вдруг утрачивает смысл, оставляя после себя лишь тягостное ощущение бессилия. Здесь начинается процесс самоуничтожения — когда личность, не способная принять свое

несовершенство и простить себя за ошибки, погружается в бездну самоосуждения и отстранения от других. Гордыня, как снежный ком, тянет за собой зависть, обиду и, в конечном итоге, погружает человека в мрак, где нет места свету и любви.

Поэтому для христианской традиции гордыня — это не просто духовное искажение, а целый путь к саморазрушению, оторвавший душу от её истока, от подлинного источника мира и радости. Только пройдя через покаяние и смирение, возможно снова обрести внутренний свет и открыть сердце для божественной благодати, что выводит из замкнутого круга ложного самообожествления и ведет к истинному единению с миром и Творцом.

Я служил священником, искренне веря, что выбрал правильный путь, что следую за светом, который приведёт меня к Богу. Я знал, что должен служить людям, наставлять их, направлять к покаянию и смирению, но вот парадокс — в этом самом служении, в моём стремлении быть верным пастырем для других, я сам оказался на тёмной тропе.

Сначала я этого не замечал. Всё начиналось так невинно, так незаметно — чувство удовлетворения от того, что я могу помогать людям, наставлять их, вдохновлять на путь к Богу. Я видел, как мои слова трогают сердца, как ко мне тянутся за советом и утешением. Но где-то глубоко внутри это чувство стало перерождаться. Вместо радости от того, что через меня действует Господь, я начал думать, что это я сам совершаю что-то великое. И это ощущение росло, наполняя меня уверенностью в своей правоте, своим превосходством. Я не замечал, как гордыня проникала в

моё сердце, словно змея, обвивающая душу.

Я начал верить, что мои слова значат больше, чем слова других, что мои проповеди более проникновенные, мои советы более мудрые. Я смотрел на прихожан и порой ловил себя на мысли, что они далеки от понимания тех высот, к которым, как мне казалось, я уже поднялся. Я считал это благородной заботой — показать им истинный путь. Но на деле, за этим скрывалось совсем другое — потребность в признании, в том, чтобы меня почитали, чтобы ко мне относились с уважением, которого, как я был уверен, я заслуживал.

Прошло много времени, прежде чем я понял, как глубоко я пал. Внешне всё казалось таким же, как и раньше — те же службы, те же молитвы, те же благочестивые слова с кафедры. Но внутри что-то безвозвратно изменилось. Я больше не ощущал того тёплого света, который раньше наполнял мою душу во время молитвы. Я молился, но это казалось пустым звуком, словно я стучался в закрытую дверь.

Чем больше я пытался справиться с этим внутренним отчуждением, тем сильнее чувствовал гнев на окружающих за то, что они не видят моей жертвы, на Бога за то, что я больше не ощущал Его близости. Я раз за разом спрашивал себя: «Почему?» Почему я, тот, кто посвятил жизнь служению, оказался брошен в этот мрак? Я не видел ответа. Но позже до меня дошло — за всем этим стояла моя собственная гордыня.

Я вдруг осознал, что всё это время, когда я считал себя смиренным и преданным, я на самом деле тешил своё тщеславие, прикрывая его маской служения. Мои молитвы были обращены не столько к Богу, сколько к самому себе, к моему образу праведника, которым я

гордился. И это осознание разрушило меня до основания.

Я помню тот момент, когда всё рухнуло. Это был обычный день, я стоял у алтаря и вдруг почувствовал, что больше не могу произнести ни слова. Внутри всё опустело, словно кто-то выдернул из-под меня почву. И тогда я понял: мне больше не на что опереться, кроме как на собственную беспомощность перед Господом.

Я подал прощение снять с себя сан, я больше не мог служить...

Теперь я знаю: гордыня — это не просто ошибка, это бездна, которая отрывает человека не только от Бога, но и от самого себя.

Я и сейчас вижу, как эта гордыня продолжает жить во мне, словно тень, что скрывается за каждым новым свершением. Теперь я — писатель, учитель, тот, кто снова пытается направлять других, вести их к пониманию жизни и истины. Я говорю, что пишу ради людей, ради того, чтобы передать им свой опыт и знания. Но достаточно ли я честен с самим собой?

Я говорю себе, что это служение, что теперь я служу словом так же, как раньше служил проповедью, что в этом моя новая миссия. И всё же, если взглянуть глубже, я понимаю: то же самое тщеславие, что отравляло моё священство, нашло себе новый путь в моём писательстве. Я хочу, чтобы меня читали, чтобы восхищались моими словами, чтобы благодарили за мудрость и проницательность. Мне приятно слышать, как люди говорят, что мои книги изменили их жизнь, что мои мысли помогли им увидеть свет там, где был мрак.

И я осознаю, насколько это похоже на ту дорогу, что вела меня раньше к погибели. Ведь если раньше я, стоя перед алтарём, возносил себя, словно ближе всех стоящего к Господу, теперь я делаю то же самое перед белыми листами и читателями, воображая себя учителем для всех и каждого. Я чувствую, как во мне снова поднимается этот сладкий яд гордыни, когда я получаю похвалу за свои труды.

Но ведь дело не в словах, не в книгах и не в том, чтобы быть услышанным. Настоящая мудрость — это не громкие речи и не признание толпы. Истинное знание — в тишине и смирении перед тем, что невозможно выразить словами. Но как же трудно отказаться от этой жажды признания, от желания быть особенным, даже когда осознаёшь, что это вновь заводит тебя в тупик, где уже однажды оказался.

Теперь я, словно человек, который вернулся на тот же круг ада, что прошёл прежде, и вижу, что я вновь там же, только в новой роли. Гордыня — хитрая вещь: она принимает обличие любых добродетелей, проникает в любые благие начинания. Даже в желании учить и помогать она находит себе место, шепчет, что это ради других, хотя на самом деле это снова ради себя, ради своей значимости, ради того, чтобы мир увидел, каков я на самом деле.

Мои книги, мои слова, мой опыт — всё это снова превращается в лестницу, по которой я пытаюсь подняться выше других. И каждый раз, когда я это осознаю, приходит боль. Потому что я понимаю, что, несмотря на все падения и покаяния, я снова и снова скатываюсь в ту же пропасть.

Может быть, это и есть моё испытание. Может, мне

нужно до конца жизни бороться с этой тенью, чтобы в конце концов научиться не искать себя в чужих глазах и словах, а найти покой внутри.

Гордыня питается этим внутренним ощущением обособленности, когда человек начинает ощущать себя не просто уникальным, но стоящим выше окружающих. Она расцветает на почве глубокого отделения от мира, когда вместо того чтобы чувствовать себя частью единого целого, человек стремится утвердить свою исключительность. Именно в этом стремлении к утверждению собственной значимости и скрыта ловушка, из которой так трудно выбраться.

Чем сильнее человек начинает концентрироваться на своей индивидуальности, тем больше он видит пропасть между собой и другими. В этой иллюзии он пытается отгородиться от мира, выстроить высокие стены, где он — одинокий властелин, окружённый своими достижениями и мыслями. Но чем выше вздигаются эти стены, тем глубже внутри поселяется боль и одиночество. Ведь гордыня, которая на первый взгляд кажется защитой, на самом деле отрезает человека от подлинного общения, от искренности, от простоты и радости быть частью чего-то большего.

И здесь возникает парадокс: чем больше человек пытается быть уникальным, тем больше он становится заложником собственных ожиданий и стремлений. Он жаждет признания, но при этом не может его принять, потому что любое восхищение и похвала оказываются недостаточными. Всегда остаётся привкус неудовлетворённости, потому что никто и ничто не может дать ему того абсолютного признания и восхищения, которого он жаждет. В его глазах это

признание должно быть безграничным, всеобъемлющим, подчёркивающим его исключительность, и потому любые похвалы всегда кажутся неискренними или недостаточными.

Чем больше он пытается контролировать, удерживать внимание окружающих, тем более от него ускользает чувство внутреннего покоя. Постепенно он становится пленником своей собственной гордыни, ибо стремление к контролю — это лишь ещё одна форма страха утратить своё особое место, лишиться того образа, который он создал в глазах других. И тогда гордыня превращается в источник бесконечных тревог и беспокойств. Она уже не просто разъедает душу, но становится нескончаемым источником внутреннего конфликта, где жаждет быть увиденным и признанным вступает в борьбу с невозможностью достичь абсолютного контроля над восприятием других.

Гордыня ведёт к саморазрушению именно через это болезненное разделение и отчуждение от всего вокруг. Человек, будучи пленён собственной исключительностью, становится чужим и для мира, и для самого себя. В этом состоянии ему не удается ощутить ни радости от близости с другими, ни мира в самом себе, поскольку его душа вечно ищет подтверждения своей значимости там, где его невозможно найти. В конце концов, он остаётся один на вершине своего мнимого величия, окружённый только эхом собственных амбиций и стремлений, но лишённый того тепла и смысла, которые рождаются лишь в истинном единстве с миром и смирении перед тем, что находится за пределами его контроля.

Восточная философия, в частности буддизм, и

христианское учение сходятся в одном глубинном понимании: страдания коренятся в иллюзии отдельного "я", которая порождает жажду, привязанности и, в конечном итоге, гордыню. Однако пути, которыми эти две духовные традиции пытаются освободить человека от тягот этой иллюзии, разнятся по своей сути и подходу.

В буддизме страдания воспринимаются как результат зацикленности на это, на жёсткой привязанности к идеи собственного "я", которое отделено от окружающего мира. Будда учил, что все явления и все существа взаимосвязаны, что отделённая индивидуальность — это мираж, порождающий желания и страхи, которые в итоге становятся источником всех страданий. Согласно буддийскому учению, путь к освобождению от этого страдания лежит через полное растворение представления о "я", через практики медитации, глубокое самопознание и достижение состояния нирваны, где больше нет ни стремлений, ни привязанностей, ни самой иллюзии "я". В этом состоянии человек переживает единство со всем сущим, где нет ни места для гордыни, ни пространства для личных амбиций. Здесь нет ощущения отдельного "я", которое нужно защищать, утверждать или возвышать. Это полное освобождение, где нет места ни желаниям, ни страстям, ни страху потерять себя, ибо "себя" как такового уже нет.

Христианство, напротив, не требует полного растворения индивидуальности. Оно признаёт ценность каждой уникальной души, созданной по образу и подобию Бога, но призывает к другому подходу — к смирению и отказу от гордыни как способу познания

своего истинного предназначения и связи с Творцом. В христианской традиции считается, что Бог даровал каждому человеку свободу воли и индивидуальность, и это не бремя, а дар, который нужно принять с благодарностью и смирением. Но именно гордыня — то внутреннее убеждение в своей исключительности, возвышение себя над другими и над самой волей Бога — является тем, что искаляет истинную суть этой уникальности, ведёт к отчуждению от любви и света Божьего.

Христианское смиление учит не уничтожению "я", но признанию, что это "я" лишь малая часть великого замысла, который превосходит любое человеческое понимание. Смиление — это не отказ от своей индивидуальности, а понимание её подлинного значения в свете Божьей любви. Смиренный человек осознаёт, что всё, что у него есть — таланты, возможности, сама жизнь — это дары свыше, и он не может присваивать их себе как свои заслуги. Такое смиление помогает преодолеть гордыню, потому что в нём нет места для ощущения собственной исключительности или стремления к господству над другими. Вместо этого возникает глубокое чувство благодарности и внутреннего мира, когда душа принимает своё место в мироздании, без стремления контролировать и возвышаться.

Современное общество, словно в зеркале отражающее амбиции и устремления человечества, превратилось в арену, где самолюбие и жажда превосходства возведены в культ. С ранних лет людей учат, что успех измеряется исключительно внешними признаками: статусом, материальными достижениями,

популярностью и признанием. Рекламные кампании, социальные сети и медиа ежедневно подбрасывают образы идеализированной жизни, где счастье и удовлетворение якобы достигаются лишь через личные достижения, славу и исключительность. В этом стремлении быть «лучше, чем остальные» зарождается та самая почва, на которой расцветает гордыня, проникая в каждый уголок человеческой души.

Эта культура конкурентности подогревает самолюбие и способствует тому, что люди начинают оценивать себя лишь через призму внешних успехов и признания. Вместо того чтобы искать смысл в глубине внутреннего мира, внимание сосредотачивается на внешнем блеске и демонстрации собственной значимости. Парадокс в том, что чем больше человек стремится доказать свою уникальность, тем сильнее он оказывается в плену внешних оценок и суждений. Это становится бесконечной гонкой за миражом, где границы между самоуважением и гордыней стираются, и любое достижение лишь временно утоляет жажду подтверждения своей значимости.

Отсюда и вытекают неизбежные последствия: зависть, гнев, агрессия — спутники того, кто непрерывно сравнивает себя с другими, испытывая боль от того, что кто-то может быть успешнее, богаче, красивее. Зависть разъедает изнутри, заставляя человека фокусироваться не на том, что он может создать или привнести в мир, а на том, что у него нет того, чем обладают другие. Гнев становится реакцией на ощущение несправедливости и на чувство собственной неполноценности в условиях бесконечной конкуренции. Агрессия — попытка утвердить себя силой, когда внутреннее чувство

собственного достоинства рушится под давлением этих навязанных идеалов.

Эта гонка за превосходством лишает людей способности радоваться простым вещам и быть удовлетворёнными тем, что они уже имеют. Вместо того чтобы наслаждаться моментом и ценить искренние связи с другими, человек всё чаще погружается в отчуждение, закрываеться в скорлупе своих амбиций. И вот вместо мира и гармонии, на которые каждый в глубине души надеется, он оказывается в круговороте тревог и разочарований, где радость уступает место жгучей потребности доказать свою значимость.

Здесь современная культура соприкасается с теми уроками, что человечество уже давно должно было усвоить из древних духовных учений. Гордыня — это не просто личный порок, но и коллективная болезнь общества, которое поставило самолюбие выше истинных ценностей. Это разъединяет людей, лишает их способности быть уязвимыми, открытыми и способными к сопереживанию. В погоне за превосходством человек теряет связь с собственной душой, с её подлинными желаниями и нуждами, подменяя их внешними атрибутами успеха.

Но, возможно, именно сейчас, когда этот кризис самолюбия и жажды признания достигает апогея, становится всё более очевидным, что истинное счастье и внутренний покой невозможно найти во внешнем мире. Лишь отказавшись от гордыни, от стремления быть лучше, выше, значительнее других, человек может обрести то, чего так отчаянно ищет — покой, удовлетворение и гармонию с самим собой и окружающим миром. И в этом возвращении к простоте,

к смирению, к пониманию своих истинных потребностей и искренним связям с людьми заключается тот путь, который способен вылечить не только отдельную душу, но и всё общество, стремящееся освободиться от пут, что сами себе навязали.

Современное общество, парадоксальным образом, научилось искусно манипулировать гордыней, превращая её в инструмент, который стимулирует стремление к успеху и подталкивает к достижению более высоких целей. В этом и кроется двусмысленность современной социальной системы: с одной стороны, гордость за свои достижения и стремление быть лучшим воспринимаются как движущая сила прогресса, с другой — чрезмерное проявление этой силы строго осуждается, когда она начинает угрожать общественному порядку.

С раннего возраста людей учат быть амбициозными, стремиться к лидерству, добиваться успеха. Конкуренция — будь то в учёбе, на работе или в социальных взаимодействиях — поощряется как путь к самосовершенствованию и, в конечном итоге, к достижению статуса и признания. Здесь гордыня становится социально приемлемой формой мотивации, ведь она подстёгивает человека преодолевать себя, работать больше, стремиться к новым высотам. Она не только стимулирует личностное развитие, но и служит топливом для развития экономики и технологий: те, кто жаждет выделиться, готовы тратить больше усилий и ресурсов, чтобы добиться успеха и выделиться на фоне остальных.

Однако общество, признав гордыню полезной в

определённых границах, выработало и механизмы её контроля. Парадоксально, но в мире, где амбиции и успех воспеваются, все же существуют строгие социальные нормы, осуждающие чрезмерное самовозвеличивание. Кого-то могут восхвалять за уверенность и амбициозность, но если эта уверенность переходит в нарциссизм и пренебрежение к другим, человек быстро подвергается критике. Система стремится сохранить баланс: она поощряет индивидуальные достижения до тех пор, пока они не начинают угрожать социальным связям и общественной гармонии.

Иными словами, общество, словно искусный дрессировщик, натренировало гордыню, чтобы та работала на него, но держит её на коротком поводке, чтобы не допустить разрастания до разрушительных масштабов. Так формируются неписаные правила игры: самоуверенность и целеустремлённость — это хорошо, если они приводят к успеху и признанию, но лишь до тех пор, пока они не превращаются в самовлюблённость и высокомерие. И если человек начинает слишком явно демонстрировать своё превосходство, его быстро «осаждают» критикой, напоминая, что успешный должен быть скромным и "оставаться человеком".

Этот баланс между мотивацией к достижениям и наказанием за чрезмерное проявление гордыни — тонкий и сложный механизм. С одной стороны, гордыня позволяет людям ощущать свою значимость, давать себе силы преодолевать трудности и достигать новых вершин. С другой стороны, общество не может допустить, чтобы эта сила вышла из-под контроля и подорвала устои, на которых оно держится. Ведь

чрезмерное возвышение одного может привести к зависти и конфликтам, к разладу и дезинтеграции сообщества.

Поэтому современная культура выработала тонкие способы смирять чрезмерную гордыню, например, через социальное порицание, высмеивание в медиа, акцент на важности эмпатии и командной работы. Это создаёт иллюзию, что общество ценит скромность и взаимную поддержку, но при этом оно всё равно продолжает подогревать дух соревнования и индивидуализма. Ведь пока человек стремится доказать свою значимость, он будет прилагать больше усилий, будет изобретать, работать, потреблять — в конечном итоге, поддерживая те механизмы, на которых строится экономика и социальный порядок.

Гордыня, питающаяся не только личными амбициями, но и коллективными идентичностями, обретает совершенно иной масштаб и силу, когда находит свою основу в таких понятиях, как «гордость за страну», «гордость за культуру», «гордость за нацию». Она превращается в мощную объединяющую силу, которая способна как сплотить людей, так и разжечь между ними конфликты. В этом случае индивид находит своё чувство значимости не в личных достижениях, а в принадлежности к более крупной группе, чьи заслуги и триумфы он принимает на себя, как если бы это были его собственные победы.

Когда человек говорит: «Я горжусь своей страной» или «Я горжусь нашим культурным наследием», зачастую за этими словами стоит стремление компенсировать внутреннюю неуверенность и отсутствие собственных

значительных свершений. Эта форма коллективной гордыни даёт человеку иллюзорное чувство значимости, ведь она позволяет ему идентифицировать себя с великими деяниями прошлого и настоящего, к которым он сам, по сути, не имеет прямого отношения. Это своего рода защитный механизм, который помогает человеку избежать чувства собственной незначительности, скрыть тревогу от осознания своей уязвимости и обыденности. Присвоение заслуг целого народа или нации становится удобным способом возвыситься в собственных глазах.

Однако в основе этой коллективной гордыни лежит не столько истинное чувство гордости, сколько потребность в признании и принадлежности. Люди жаждут ощущать, что они принадлежат к чему-то великому и значимому, что их жизнь укоренена в глубокой истории и культуре, которые внушают уважение. Это стремление нередко оборачивается иррациональной привязанностью к мифам и иллюзиям, которые подменяют собой реальность. Люди начинают жить в мире, где заслуги предков или свершения группы становятся предметом их личной гордости, как будто эти достижения каким-то образом отражают их собственные достоинства.

Такое отождествление с коллективными мифами может создавать ощущение единства и солидарности, но часто приводит и к закрытости, агрессивной защите своих ценностей и отрицанию всего, что ставит под сомнение выбранный образ. И это особенно заметно, когда коллективная гордыня превращается в национализм, этноцентризм или культурное превосходство. В этом случае человек начинает видеть в чужих культурах и

народах не равных себе, но соперников, которых нужно превзойти или даже унизить, чтобы подтвердить свою значимость.

Коллективная гордыня становится почвой для разделения мира на «своих» и «чужих», где «наши» всегда правы и велики, а «другие» — ничтожны или враждебны. В этом кроется опасность: чем глубже человек уходит в эту иллюзию, тем сильнее он утрачивает способность к объективности, к самокритике и диалогу. Всё, что противоречит мифу о собственной исключительности, воспринимается как угроза, подлежащая немедленному осуждению или даже уничтожению. Это приводит к замкнутости, к отторжению всего чужого, к отказу видеть в других людях равные, уникальные души, заслуживающие уважения и понимания.

И тут возникает вопрос: действительно ли эта коллективная гордость делает человека счастливее и сильнее, или она лишь временно прикрывает внутреннюю пустоту, ту самую неуверенность в своей значимости, которую невозможно восполнить чужими заслугами? Ибо, как и личная гордыня, коллективная гордыня лишь на первый взгляд кажется прочной опорой. В действительности она подобна миражу в пустыне: чем больше к ней стремятся, тем сильнее разрастается жажды, тем дальше уходит истинный покой и подлинное осознание своей ценности.

По-настоящему зрелое отношение к своему культурному и историческому наследию не в том, чтобы слепо гордиться им, но в том, чтобы с благодарностью и уважением принимать его, не превращая в оружие превосходства. Это понимание, что

достижения предков — не собственные заслуги, а вдохновение и напоминание о том, что каждый человек способен внести свой вклад, быть частью великого движения вперёд. Настоящее достоинство и подлинная сила заключаются не в слепом поклонении коллективным мифам, а в способности видеть реальность такой, какая она есть, признавать свои слабости и при этом стремиться к лучшему, без ненависти и превосходства над другими.

Гордыня, как глубокий и многогранный аспект человеческой природы, коренится в тех самых иллюзиях, которые человек создаёт, чтобы защитить себя от страха небытия и забвения. Мы привыкли считать себя уникальными, стремимся выделяться из толпы, наделяем свою жизнь смыслом и значимостью, пытаясь найти опору в этом беспокойном мире. И всё это в основе своей питает гордыню, ибо она — тот самый внутренний голос, который говорит: «Ты особенный, ты не такой, как все». Это убеждение даёт временное утешение, помогает не сталкиваться с пугающей мыслью о собственной конечности, о том, что каждый из нас — лишь мгновение в огромной и равнодушной вселенной.

Стремление к значимости, к превосходству, к оставлению следа в истории — всё это не что иное, как попытка найти бессмертие там, где его нет. Глубоко внутри каждый человек осознаёт, что его жизнь коротка и хрупка, что время неумолимо уносит всё, что он создаёт. Но именно этот страх исчезновения, страх стать одним из бесчисленных забытых лиц в истории человечества, порождает жажду выделиться, быть замеченным, оставить после себя что-то, что переживёт

его самого.

Гордыня питается этой потребностью в вечности, в сохранении своей индивидуальности, даже когда сам человек понимает, что его контроль над жизнью иллюзорен, а влияние — преходяще. Ведь как бы мы ни старались, сколько бы ни достигли, мы не можем изменить неизбежный ход вещей. Всё проходит, и даже самые яркие имена рано или поздно стираются из памяти поколений. Но гордыня отказывается признать эту истину, заставляя человека бороться за своё место под солнцем, за своё особое положение, за признание, которое он надеется заполучить и удержать.

Однако полное искоренение гордыни невозможно, ибо она неотделима от самой природы человеческого сознания. Она тесно связана с инстинктом самосохранения и с той внутренней потребностью видеть в себе что-то большее, чем просто случайную комбинацию биологических и социальных факторов. Гордыня возникает из стремления найти смысл и оправдание своему существованию, создать иллюзию контроля там, где его на самом деле нет.

Вместо того чтобы пытаться полностью избавиться от гордыни, что практически невозможно, важно научиться осознавать её проявления и удерживать её под контролем. Ведь она не только разрушает, но и способна быть мотиватором, источником внутренней силы, если её направить в конструктивное русло. Осознание своих амбиций, честное признание своих слабостей и стремлений — это первый шаг к тому, чтобы гордыня не подчиняла себе жизнь, а стала чем-то, что помогает преодолевать страхи и ограничения, не разрушая при этом душу.

Контроль над гордыней начинается с признания её природы. Это значит видеть в себе те самые стремления к исключительности, понимать их истоки и осознавать, что желание быть «выше других» — лишь попытка убежать от глубинного страха перед пустотой и ничтожностью. Гордыня становится менее разрушительной, когда человек учится относиться к себе с большей мягкостью и принимает свою уязвимость и конечность. Это позволяет трансформировать её в стремление не к превосходству, а к развитию и поиску подлинного смысла за пределами собственных иллюзий.

Признавая, что ни достижения, ни признание, ни слава не способны подарить истинного внутреннего покоя, человек постепенно учится отпускать привязанность к этим внешним символам значимости. И это освобождает душу, помогая направить энергию не на борьбу с миром и другими, но на глубокое познание самого себя и поиск гармонии с окружающим миром. Ведь настоящая сила и подлинная свобода заключаются не в стремлении выделиться, а в способности быть самим собой, смиренно принимая и любя ту жизнь, которая дана, несмотря на её хрупкость и быстротечность.

Способность контролировать гордыню — это не столько путь к полному её устраниению, сколько искусство осознанного управления этой мощной и, порой, разрушительной силой. Принятие того, что гордыня заложена в самой природе человека, позволяет избежать иллюзий о её полном искоренении и направить усилия на то, чтобы смирить её проявления, не давая ей разрушать внутренний и внешний мир. Ведь

гордыня, как и многие человеческие черты, может быть как источником страданий, так и стимулом для развития, если она находится под контролем и используется с умом.

Осознание своих истинных мотивов — это первый и важнейший шаг к управлению гордыней. Когда человек начинает замечать, что его поступки продиктованы не искренним стремлением к самореализации, а желанием получить признание или доказать своё превосходство, он может остановиться и пересмотреть свои приоритеты. Именно в этом кроется сила саморазвития и личностного роста: умение честно смотреть на себя и видеть, что стоит за внешними достижениями — желание служить чему-то большему или лишь стремление потешить своё эго.

Управление гордыней требует непрерывной внутренней работы. Это постоянное внимание к своим мыслям, чувствам и реакциям, желание распознавать моменты, когда она начинает брать верх, чтобы не дать ей разрушить гармонию как внутри себя, так и в отношениях с другими людьми. Когда человек осознаёт, что его стремление к успеху или признанию продиктовано гордыней, он может задаться вопросом: что на самом деле движет им? Является ли его цель действительно значимой и вдохновляющей, или это просто попытка убежать от внутренней пустоты и неуверенности?

Понимание своих мотивов позволяет расставлять приоритеты более осознанно и мудро. Вместо того чтобы гнаться за внешними атрибутами успеха, можно направить энергию на развитие тех качеств и навыков, которые приносят внутреннее удовлетворение и пользу

окружающим. Это помогает избежать ловушек, в которые так легко попасть, когда гордыня толкает на путь бесконечной гонки за признанием и превосходством. В конечном итоге, тот, кто умеет контролировать свою гордыню, учится находить радость и покой в более глубоких и подлинных аспектах жизни, где успех определяется не чужими взглядами, а внутренним ощущением цели и гармонии.

Но для этого необходимо признать: гордыня будет всегда присутствовать в человеке, она заложена в его стремлении к индивидуальности и самосознанию. Полностью избавиться от неё — значит отказаться от самой сути человеческой природы, от того импульса, который движет человека к познанию, самореализации и стремлению оставаться значимым в этом огромном мире. Поэтому задача не в том, чтобы искоренить гордыню, а в том, чтобы научиться держать её под контролем, смирять её проявления и направлять эту силу на более конструктивные цели.

Саморазвитие становится здесь ключевым инструментом. Личностный рост помогает лучше понимать себя, распознавать свои истинные мотивы, осознавать свои слабости и сильные стороны. Это умение быть честным с самим собой, видеть, когда гордыня начинает управлять действиями и решениями, и вовремя переключать внимание на то, что действительно имеет значение. И это умение даёт свободу — свободу быть собой, не стремясь к ложным идеалам и не гоняясь за призрачным признанием, которое никогда не принесёт истинного удовлетворения.

Тот, кто научился контролировать гордыню, обретает

способность жить более осознанно и глубоко, понимая, что подлинная ценность жизни не в внешних достижениях, а в том внутреннем мире, который он создаёт для себя и тех, кто его окружает. И это не только личный путь к внутреннему миру, но и путь к гармонии с окружающим миром, где каждый стремится не к превосходству, а к подлинному единству и взаимопониманию.¹

И всё же, как тяжело человеку отказаться от своих иллюзий, от той сладкой уверенности, что он способен достичь полного контроля над своим бытием, покорить мир своим талантом и стать тем, кого окружающие будут боготворить. Стремление быть особенным, быть значимым — это не просто каприз; это отчаянная попытка победить внутренний страх забвения и конечности своего существования. Но гордыня, как ни парадоксально, лишь усиливает эту тревогу, отрывая личность от её подлинного источника радости и покоя. Человек, с каждым шагом удаляясь от смирения, только глубже погружается в мрак собственного одиночества.

Так неужели нет спасения от этого замкнутого круга? Может быть, ответ лежит не в разрушении самого чувства индивидуальности, а в его трансформации, в способности осознанно смирять свои порывы и честно признавать свои мотивы? Лишь тот, кто научился видеть в себе эти тени гордыни и обращать их в свет самопознания и служения другим, может по-настоящему обрести свободу. Гордыня никогда не исчезнет полностью, но осознание её природы, постоянный самоконтроль и умение удерживать её под

¹ Kriger, B. (2024). The subtle tyranny of pride: A journey towards inner liberation. *Orthodox Faith*.

властью разума — это путь, ведущий к гармонии с миром и самим собой. И в этом умении видеть за иллюзиями свои истинные мотивы — не попытка подавить свою природу, но искреннее принятие себя, со всеми слабостями и страхами.

Ибо лишь, когда человек перестаёт искать признание во внешнем мире и находит покой в тишине своего сердца, он действительно становится свободным. Свободным от бесконечной гонки за мнимыми идеалами, от иллюзий превосходства и тщеславных стремлений. И только в этой внутренней свободе, в этом смиренном принятии своего места в мире, человек обретает то, что искал всю свою жизнь — подлинный мир и свет, который горит не ради чужих взглядов, но ради самой жизни.

